

несомненно, будет способствовать долгосрочному миру, стабильности и цивилизационному развитию как отдельных государств, так и всего мирового сообщества.

**Л. Д. Гинзбург-Франц,
Л. В. Рухтаева,**
*фонд «Центр Федерализма»
(г. Екатеринбург)*

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК АНТИТЕЗА ТОЛЕРАНТНОСТИ?

Участившееся в последнее время обращение к понятию толерантности в различных сферах культурной российской жизни в определенном смысле является знаковым. О толерантности или терпимости российское общество, как показывает исторический опыт, начинает говорить обычно в различные переходные периоды. Это периоды смены политической, культурной, социальной парадигмы. При этом, поскольку сигналом к изменениям в России, как правило, являются властные решения, имеет смысл в первую очередь обращаться к феномену толерантности в политической культуре.

По мнению авторов, феномен толерантности не является имманентным для российской политической культуры. Скорее наоборот — является вынужденным, даже вымученным. И истоки толерантности российской политической культуры существенно отличаются от истоков и побудительных мотивов европейской толерантности. Европейская толерантность берет начало в учениях периода Просвещения. Российская же толерантность «нисходит» от царствующего Дома, насаждается правителями, вынужденными держать в узде огромное поликультурное государство. И если европейская государственность имеет толерантность (или, если угодно, договор об общественном согласии) краеугольным камнем, основой основ политической культуры, то российская толерантность есть нечто, насаждаемое вынужденно, больше даже подойдет определение — искусственно.

Кроме того, ближайшая историческая ретроспектива (новая и новейшая история) демонстрирует нам весьма интересный феномен — алгоритмы развития государственности европейских стран и России практически всегда находились в

противофазе: в то время как в Европе усиливались процессы становления унитарных государств, в России создавалась империя.

Исторические же параллели с европейскими государствами выглядят примерно следующим образом: век XIX и начало XX века в России прошли под знаменем империи — Кавказ, Дальний Восток, Средняя Азия были присоединены к Российскому государству. Послереволюционный и предвоенный периоды также характеризовались усилением имперских позиций Советского уже государства — Прибалтика, Западная Украина вошли в состав СССР. В это же время Европа переживала последние годы «золотого века» — периода достатка и декаданса аристократических династий, периода унитаризма, усиления и абсолютизации процессов национальной идентификации.

Интересно, что мощная советская империя использовала толерантность как один из способов «держат в узде» общественное сознание. Чем, как не проявлением толерантности, можно считать вьезшуюся до мозга костей советского человека песню о «новой общности — едином советском народе», или замечательные шедевры киноискусства 30—50 годов («Свинарка и Пастух», «Цирк»...), или памятник архитектуры и культуры — ВДНХ? Толерантность? Безусловно! Но что в корне? — Страх, подавленность, завоевание, застенки.

Но расстанемся с историей и посмотрим на современное государство. Сегодняшнее российское государство, по мнению авторов, находится в точке бифуркации (как и все последнее десятилетие), из которой возможны два пути развития: построение унитарного государства или создание новой империи. Причем и к тому и к другому есть определенные предпосылки и тенденции¹⁴.

Каким же образом понятие толерантности имеет отношение к вышеописанным процессам? По логике авторов, российская имперская политическая культура *вынужденно* включает в себя феномен толерантности — терпимое отношение к *иному*. К иной культуре, иной религии, иному этносу. В то время как унитаризм, национальная уникальность в явном или скрытом виде предполагает культурную агрессию.

¹⁴ А большая часть европейских стран увлечена процессами глобализации и объединения.

Есть смысл определиться в понятиях, прежде чем продолжать развивать представленную идею. В традиционном понимании слово *толерантность* воспринимается как терпимость к чужому поведению, чужим мнениям, верованиям. Нам кажется, что такая трактовка понятия слишком аморфна. И потому готовы конкретизировать определение, внося в него параметры, отнесенные к политической культуре и характеризующее объем понятия *толерантность*.

Самым рациональным будет построить рассуждения об объеме понятия *толерантность* на противоречии. Так, если толерантность — это *полимерное* (многомерное) понятие, которое включает в себя огромное количество смыслообразующих факторов политической культуры, то понятие, противоположное толерантности — это *мономерность* (одномерность), ориентированность на некий единый стандарт.

В приложении к Государственности эти понятия соотносятся следующим образом: построение империи всегда предполагает вынужденную толерантность политической культуры, ибо «собираение земель» неизбежно *вынуждает* примирять *разное* во имя благополучия *единого*. Разные религии, разные этносы, разные национальные культуры, разные языки, разные институты. В то время как унитарное государство озадачено в первую очередь сохранением самобытности, что неизбежно означает агрессивность, нетерпимость к *иному*.

Обращаясь к современной ситуации, можно отметить, что в политическом сознании россиян в настоящее время преобладают скорее унитарные настроения. По данным международного исследовательского агентства GFK для общественного мнения россиян пока характерны национал-патриотические и антизападные настроения. А вот в государственной политике одновременно присутствуют две тенденции: развитие одной из них приведет к возникновению имперского политического сознания и толерантности в политической культуре; развитие второй — к возникновению унитарной, нетолерантной политической культуры. Прибегнем и здесь к самой ближайшей исторической ретроспективе.

Анализ уровня политической культуры россиян образца 1989 — 2001 годов демонстрирует нам весьма широкий спектр воззрений, восприятий, мнений, отнесенных к разным возрастным группам, что обусловлено различными экономическими условиями жизни разных поколений. Поясним: нынешнее

поколение 14 — 25-летних выросло в условиях «разгула» свободы и парада суверенитетов, в то время как поколение, которому сейчас больше 30, воспитано в условиях жесткого традиционализма (если рассматривать образ жизни советского человека как органическое продолжение традиционного российского общинного уклада).

Конец 80-х — начало 90-х годов можно назвать кратким периодом торжества новой для России западной толерантности на обломках империи и крахом традиционного уклада — как экономического, так и социального. Первые «жертвы» такого разгула толерантности не замедлили появиться — экстремистские политические течения и объединения стали набирать силу и пользоваться успехом маргинальных слоев населения как раз в середине 90-х годов. Подобные события должны были стать первым звонком для руководства страны — о том, что «глоток свободы» был слишком большим и ведет, скорее, к удушью, чем к выздоровлению. Что и подтвердило дальнейшее развитие событий последнего десятилетия. Что же, толерантность бывает разная? Российская и западная? Возможно. Но возможен и еще один вывод — нет никакой толерантности. А есть воля изощренного исследователя, который может одни и те же события трактовать как в пользу, так и противу этого понятия. Например, и наличие экстремистских течений, и всеобщее равнодушие, и ожидание сильной руки можно вполне органично вписать в понятие толерантности, без каких бы то ни было противоречий.

Поэтому мы не можем говорить о толерантности в российской политической культуре как о чем-то объективном. Российская толерантность — это миф, который может быть подкреплен или опровергнут одними и теми же фактами.

В течение последних пяти — шести лет авторы, будучи сотрудниками фонда «Центр Федерализма», имели возможность анализа реальных мнений российских граждан относительно тех или иных политических событий. Так, например, эпоха правления Ельцина была ознaменована двумя равными по силе тенденциями. Одна тенденция может быть сформулирована как «неудовлетворенность происходящими в стране событиями — неразбериха, экономический спад, отсутствие порядка».

Вторая тенденция — это всеобщее попустительство, смирение и непротивление властным решениям.

Эти две тенденции выливались так или иначе в **глобальное ожидание от власти благ, порядка, достатка**.

И та, и другая тенденция вполне может свидетельствовать о толерантности мышления российского народа, с точки зрения заинтересованного исследователя. Мы же утверждаем, что все эти несчастья происходят вовсе не от толерантности, а от того, что общинный уклад жизни, доставшийся советскому строю в наследство от российской империи, в годы перестройки практически в одночасье был разрушен.

Практический опыт авторов, связанный с постоянным проведением фокус-групп (качественных исследований), убеждает в том, что политическая культура русского народа, со всей ее многоукладностью (левые, правые, центристы) все же развивается в парадигме мононаправленности, растворения иного в целом, поглощения иного и адаптации иного российским традиционализмом (общинность, приоритет духовного над материальным; и одновременно с этим — экономическая и политическая инфантильность).

Так, в период перед избирательной кампанией 1997 года среди избирателей явственно царили настроения «необходимости перемен», и в связи с этим — достаточно искренних надежд. Тогда же появились первые признаки тоски по сильному государству — не совсем осознанные, еще скрытые, отягченные тоской по прошлому.

В период губернаторской кампании 1999 года (а точнее — до начала периода активной пропаганды) настроения царили откровенно безнадежные — разочарование било ключом, консерватизм достиг крайней степени.

Госдумская кампания 1999 года ознаменовалась умеренным консерватизмом, наряду с умеренным оптимизмом, то есть прошла под «средним градусом» напряженности.

Нынче же среди избирателей царит несколько новое настроение — явная потребность не столько в переменах, сколько в ужесточении уже существующего положения вещей во власти — народ откровенно просит власти деятельной, сильной, жесткой и **КОНТРОЛИРУЮЩЕЙ** течение жизни.

Таким образом, можно предположить, что феномен толерантности в современной российской политической культуре в настоящее время — это искусственное явление, которое может быть направлено на формирование определенных имперских общественно-политических настроений.